

Ю.И. Королева

Алтайский государственный университет

**«Нежная смерть» на закате цивилизации
как футурологическая проблема
в русской литературе XX века**

Аннотация: Статья посвящена процессу формирования в прогностической социальной фантастике комплекса мотивов, знаменовавших закат существующей цивилизации. Основными из них стали стабилизация экономического, социального развития, консервация научно-технических достижений, идеология легкой, радостной смерти. В качестве материала для исследования были использованы произведения русских писателей-нефантастов XX – XXI вв.

The paper is devoted to the process of forming a complex of predictive social fiction motifs marking the decline of the present civilization. Of these, the main ones are the stabilization of economic and social development, conservation of science and technology, ideology of easy, joyful death. The study has been based on the works of the Russian writers-nonfantasts of the 20th – 21st centuries.

Ключевые слова: футурология, антиутопия, смерть, конец цивилизации, эвтаназия, Атлантида.

Futurology, dystopia, death, the end of civilization, euthanasia, Atlantis.

УДК: 82.0

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, кафедра русской и зарубежной литературы. E-mail: kyulias@yandex.ru.

В пьесе Горького «На дне» (1902 г.), ставшей событием русской культуры в условиях назревавшего кризиса, предлагались два способа «утешения» отчаявшегося и умирающего человека: первый, выработанный христианской эсхатологией (идея посмертного воздаяния, царствия небесного), второй – идеи «безумцев», навевающих человечеству «золотые сны». В последовавшую эпоху социального катастрофизма и воинствующего атеизма на первый план выступали «золотые сны безумцев», восходившие в своих истоках к языческим временам падения древних цивилизаций и нашедшие свое реальное осуществление в эпоху падения и гибели Римской империи. Одной из таких утешительных идей для человечества в его предчувствии конца мира стала идея «праздника смерти», которой сопровождается гибель Атлантиды в утопии Платона.

Двадцатый век называют суицидальным. Мировые войны, репрессии, геноцид, изобретение оружия массового уничтожения, техногенные и экологические катастрофы – все работало на самоистребление человечества. В России эти процессы массового суицида протекали особенно интенсивно, порождая различные фобии, ощущение экзистенциальной неуверенности, утраты жизненной перспективы, идеи заката российской цивилизации, культуры, близкого апокалипсиса. Эти настроения нашли отражение в художественной футурологической литературе, одной из проблем которой стала идея прививки населению иммунитета против страха смерти и «смерторадостные» проекты.

Так в 1920-е годы писатель-нефантаст А.Н. Толстой создает два фантастических романа, в одном из которых автор повествует об ужасных последствиях изобретения оружия массового истребления («Гиперболоид инженера Гарина»), а в другом – живописует картину угасания когда-то мощной и цветущей цивилизации на Марсе, созданной потомками утопической Атлантиды, погибшей вследствие общественного разложения и самоистребления («Аэлита»).

Земляне, высадившись на Марс, видят перед собой бесконечные песчаные пустыни, «почву в больших трещинах», пересохшие русла каналов, следы пожаров, руины древнейших городов, «мертвые, унылые равнины» – последствия многовековой гражданской войны. Жизнь оставшегося населения сосредоточена в немногочисленных оазисах, сохранивших величие достижений былой цивилизации. Столица Марса, Соацера, находится в пышно цветущем оазисе Азора, что на марсианском языке означает «радость». Здесь в райских садах дочери правителя Марса Аэлиты земляне слышат рассказ о гибели Атлантиды – «города Ста Золотых ворот», центра мира на Земле, прародины марсиан. За тысячелетия своего существования древнейшая цивилизация пережила эпохи невиданного расцвета и упадка во времена варварских нашествий: *«Свет цивилизации на время замирал. Но трава ее была жива, и он вспыхивал с новой яркостью, обогащенный свежей кровью победителей. Проходили столетия и снова орды кочевников нависали тучей над вечным городом»* [Толстой, 1975, с. 76]. Но по прошествии веков в городах Атлантиды наступает пресыщение: ничего не сдерживает больше человека, его разнузданную фантазию и похоть, его сила обратилась против него самого, осознание неизбежности смерти делало людей еще более жестокими. На закате цивилизации ей овладели магацитлы, они говорили: *«Уничтожим человечество, потому что оно есть дурной сон разума»* [Там же, с. 86]. Они объявили праздник смерти, чтобы напоследок изведать все мыслимые наслаждения, чтобы умирая праздновать свой конец, чтобы окончить свои дни в безумии и пресыщении. Наутро, когда магацитлы начали улетать на Марс в своих космических кораблях, на Земле начались землетрясения, буря и вселенский потоп.

Финал истории Атлантиды предваряет повествование о близком конце марсианской цивилизации, в свете заката которой возрождается идея «праздника смерти». Пришельцы с Земли застают еще величайшие достижения тысячелетней культуры: гигантские «цирки» – водохранилища, в которых собирается доставленная по каналам вода тающих полярных ледников, летательные аппараты для передвижения по планете, «зеркальные телефоны» с видеотрансляцией – прототипы компьютера и телевидения. Но правление жестокого диктатора Тускуба направлено не на развитие благосостояния страны, а на стабилизацию нынешнего порядка, обеспечивающего его власть и роскошь элиты на фоне обнищания и дегенерации масс, обесмысливания их существования, прибегая и к средствам их наркотизации. Недовольство низших каст, попытка открытого бунта, спровоцированного «революционером» – землянином Гусевым приводит к новому массовому истреблению марсиан, приближая конец цивилизации.

В предвидении грядущего конца Тускуб проектирует образ жизни последнего поколения марсиан, развивая опыт своих предков-атлантов. Он предлагает «законсервировать» планету и ждать медленной смерти всего живого, обитающего на ней. Провести последние столетия жизни цивилизации в роскоши и удовольствиях, пока низшие касты выполняют черную работу на благо избранных – вот политика марсианского диктатора Тускуба. Он предлагает оставить только необходимые для поддержания жизни предприятия и заставить в них работать маргиналов, а самим удалиться на праздник смерти: *«Всем, кто согласен с нами, кто подчиняется нашей воле, – мы отведём в сельскую усадьбу и обеспечим жизнь и комфорт. Двадцать тысячелетий каторжного труда дают нам право жить, наконец, праздно, тихо и созерцательно. Конец цивилизации будет покрыт венцом золотого века»* [Там же, с. 93]. Казалось бы, благодаря пришельцам с Земли

марсианская цивилизация может быть спасена притоком «свежей крови», но Тускуб призывает не дать Сынам Неба снова подчинить себе всю планету, он не хочет умирать в рабстве – смерть-праздник, смерть-удовольствие – вот к чему он призывает свой народ.

Роман А. Толстого написан в 1922 году после окончания самоубийственной гражданской войны, в канун объявления новой экономической политики – «праздника смерти» угасшей цивилизации дореволюционной России.

Эта ситуация повторилась в 1960-е, после окончания Второй мировой войны и сталинских репрессий, унесших жизни десятков миллионов россиян, наступило короткое возрождение, рассвет научно-технической цивилизации и культуры страны – «оттепель», которая закончилась к концу десятилетия «замораживанием» свобод, обострением внешнеполитических отношений с западными государствами и усиливающимся экономическим «застоем» в 1970-е. Откровенное кастовое расслоение общества на обеспеченную всеми благами «номенклатуру», состоятельную научно-техническую элиту, поддерживавшую обороноспособность страны, и нищавшую в воровстве массу, было еще одним очевидным признаком заката советской цивилизации, который не мог не породить идеи «праздника смерти».

Эта идея стала основанием романа И. Ефремова «Час быка» (1968), который уже первая критика назвала «романом-предупреждением». Планета Торманс, потерявшаяся в космических безднах обнаружена и заселена землянами, спасавшимися от глобальной катастрофы на своей Земле. Не имея иного опыта общественного устройства, они жили по традициям земного человечества, то есть, истощая природные ресурсы, бесконтрольно плодясь, придя, в конце концов, к перенаселению, голоду и преступности. В эту эпоху голода и убийств знаменитый врач Рце-Юти изобрел средство «нежной смерти». *«Его исследователи и помощники построили храм Руки Друга над бездонным колодезем. Рце-Юти сказал всем слабым, мучительно больным, уставшим от жизни, преследуемым и запуганным: “Приходите сюда, и я успокою вас – дам вам нежную смерть. Она придет к вам ласковой и прекрасной, юной и зовущей...”*. Из этого благодеяния возникла государственная обязанность умирать» [Ефремов, 1990, с. 391]. Следуя этой «обязанности», строится общественная иерархия: олигархия, властвующая над двумя одинаково угнетенными сословиями: *«классом образованных, которые по необходимости живут дольше, иначе невыгодно их учить* («джи» – долгожители) *и классом необразованных, которые умирают в 25 лет* («кжи» – краткожители) [Ефремов, 1990, с. 118].

Фатальная неизбежность ранней смерти как будто изменила ценностные концепции: «лучше умереть молодым и здоровым, чем старым и больным» – и вместе с тем, породило иллюзию полной свободы и от каких-либо законов, прав и обязанностей, обрекающих молодое поколение на бессмысленное, тупое существование, произвол и агрессию, державшими в страхе среднее образованное сословие. Олигархическая власть сдерживала развитие прогресса, способного изменить его, отказываясь от межпланетных контактов и обмена информацией, пресекая попытки проникновения в замкнутую систему Торманса пришельцев из миров высокой цивилизации. «Праздник смерти, уготованный Правителем умирающей планеты, представлен Ефремовым в рамках утопии коммунистического будущего на Земле, обитатели которой преодолели грозу самоистребления в «Эру Встретившихся рук».

Идеология легкой, радостной смерти в исторической реальности XX века нередко связывалась с проблемой эвтаназии. Идеи эвтаназии получили широкое распространение в Европе после Первой мировой войны. Но действия нацистов с их программой массового умерщвления людей надолго их дискредитировали.

Поэтому вполне ожидаемым было появление и развитие этой концепции в литературе постперестроечной России. Наиболее выразительное воплощение

она нашла в романе О. Славниковой «2017», заслужившим премию Букера в 2006 году.

Роман относится к категории антиутопий ближайшего будущего – его события происходят в ближайшее десятилетие: Россия стала экономически стабильным государством, в котором роскошь становится скорее нормой, чем из ряда вон выходящим, культура в нынешнем государстве упразднена. Достижения науки и техники настолько значительны, что обесценивают все, что представляло до этого хоть какую-то ценность.

Одна из главных героинь романа Тамара, хозяйка фирмы «Гранит», оказывающей ритуальные услуги рифейскому краю, предлагает элите города стать пайщиками похоронного комплекса «Купол». Некрополь нового уровня: высокоэстетичная архитектура, мрамор и стеклопластик, огромная площадь, больше похожая на фермерское поле, аккуратно посаженные деревья, просторная парковка. Внутри комплекса – *«погребальные камеры неправильной формы, спроектированные по подобию келий в пещерных монастырях; обстоятельно говорилось про высокотехнологичные саркофаги, которые исключают все некрасивые и неопрятные процессы, происходящие обычно с трупами, и обеспечивают процессы эстетичные, основанные на поэтапном обезвоживании и превращающие тело в уникальный минеральный агрегат»* [Славникова, 2006, с. 238]. Комплекс также предусматривал детскую игровую комнату и кафе.

Тамара считает, что если смерти не избежать, то нужно включить это событие в сферу позитива. Строительство похоронного комплекса станет прорывом к радости смерти, к ее спокойному созерцанию, к величию умерших.

Чтобы отвлечь родственников покойного от их горя, Тамара предлагает проводить лотерею во время похорон, напоминая всем, что они еще живы. Именно эта идея становится последней каплей в негативном восприятии обществом нового некрополя. Элита отказывается вкладывать деньги в этот проект, а общество устраивает публичную травлю хозяйки проекта «Купол» Тамары, подобно тому, как оглашение идеи праздников смерти Тускуба, приводит к революции на Марсе. Общество не готово менять свои стереотипы, то, что за гранью жизни, всегда останется непостижимым и оттого невероятно пугающим. Неприятие обществом нетипичного отношения к смерти обусловлено многовековыми стереотипами похоронных обрядов, страха перед посмертной неизвестностью и распространенного мнения, что «пока есть жизнь – есть надежда».

Но, тем не менее, именно общество приближает свою смерть: люди ищут спасения в искусственном сне, в гедонизме, в наркотиках. В мире, напигованном высокими технологиями, в обществе, где сняты все запреты на однополую любовь и частная жизнь давно уже принадлежит всем и каждому, грядет конец цивилизации: *«Сегодня человечество держит в потайном кармане принципиально новый мир, в котором не способно жить. Потому что в этом новом мире большинство видов деятельности населения, вот хоть ваши, например, не имеет смысла. Из восьми миллиардов хомо сапиенсов семь с половиной ни для чего не нужны. Самые востребованные специалисты окажутся там затратными, дешевле будет просто их кормить, чем держать для них рабочие места»* [Славникова, 2006, с. 212]. Та же идея консервации умирающего мира, что и у Толстого в «Аэлите», у Славниковой является одним из симптомов смерти цивилизации наряду с массовым употреблением наркотиков, театрализованными парадами «красных» и «белых», заканчивающимися кровопролитием и предчувствием новой революции.

Сон Крылова, навеянный впечатлениями от проекта Тамары, вскрывает безумную и насильственную суть новой трансформации идеи «нежной смерти». Он видит во сне манящую бездну, затягивающую в себя людей дивными ароматами сверкающих на солнце паров, источаемых невидимым в глубине бездны озером. Люди, зачарованные «прельстительным ущельем», в безумном порыве бросаются

друг на друга, сталкивая в пропасть: *«Вот полетели, близко к солнечным стенам, две, три, четыре нелепые куклы – одни безвольные, другие с каким-то остатком дергающейся жизни»* [Славникова, 2006, с. 243]. Выражения «прельстительное ущелье», «очарование пропасти» означают дьявольское происхождение смерто-радостных идей.

Так, в прогностической социальной фантастике сформировался комплекс мотивов, знаменовавших закат существующей цивилизации: стабилизация экономического, социального развития, консервация научно-технических достижений, идеология легкой, радостной смерти. Причем, последняя оказывается наиболее очевидным симптомом скрытых и нередко внешне обнадеживающих процессов кризисной ситуации.

Литература

- Ефремов И.А. Час быка: научно-фантастический роман. Челябинск, 1990.
Славникова О.А. 2017. М., 2006.
Толстой А.Н. Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина. М., 1975.